

Род Туймешевых

Эту историю своего рода, поселившегося в том месте, которое сейчас называется посёлком Яйлю, ещё в 17 веке, мне рассказала Надежда Альчиевна Князева (в девичестве Туймешева), более четверти века проработавшая старшим лаборантом в научном отделе Алтайского заповедника. Вот как всё происходило по её версии.

Точно сказать не могу, но началось это всё где-то в XVII веке. Отсчёт мы ведём следующим образом. Здесь в Яйлю в 1914 году родился мой папа, и его отец тоже тут родился. Отец папиного отца тоже родился здесь. Нам всегда говорили об этом родители. Мужчины и женщины в нашем роду – долгожители. Папа умер в 73 года, но у него было ранение в голову, и если бы не война, он, возможно, прожил бы дольше.

Как рассказывал мой папа – Альчи Кунделешевич Туймешев – наши предки жили раньше по Бии в месте, которое сейчас называется Камбалино. Как оно называлось в те времена, я не знаю. Наш род занимался скотоводством, охотой; выращивали хороших лошадей, торговали ими. Как-то охотники набрали на такое место у большого озера, где зимой не было снега. Они назвали его Тяйлю, что по-русски можно перевести как вечное лето.

В то время было положено платить ясак или оброк (не знаю, как это точно называлось) бийскому губернатору. Платили пушниной, возможно лошадьми, чего точно утверждать не могу, но как рассказывал папа, однажды его предки привезли в подарок губернатору несколько породистых коней – не в качестве ясака, а просто в подарок.

Губернатор был очень доволен и спросил, чем он может отблагодарить за столь ценный презент. Гонцы рассказали ему, что есть в горах такое озеро Алтын-Кель, а на его берегу место, где зимой нет снега и можно держать скот, не заготавливая сена. Они попросили разрешить им поселиться там. Поскольку место не было никем занято, губернатор выдал щедрым гостям грамоту, подтверждающую их право на поселение в приглянувшемся им месте. Эта грамота есть где-то в архивах.

По охотничьим тропам люди рода вместе со скотом перекочевали на берег Телецкого озера. Однако, начав осваиваться на новом месте, они поняли, что раньше здесь уже жили, и те прежние жители использовали в качестве жилья рубленые избы со сложными из камней печами, вероятно, это были русские. Дома к тому времени практически уже развалились и были непригодны для проживания. Стали интересоваться, почему прежние поселенцы, бросив всё, в спешке покинули своё жильё. Позже узнали, что большую часть жителей выкосила тогда какая-то повальная болезнь, а оставшиеся в живых посчитали это место проклятым и ушли навсегда.

Новые поселенцы начали обживать в облюбованном уголке побережья озера. Строили айлы из жердей, крыли их шкурами, корой, обкладывали дерном; причём селились не все вместе, а отдельно – одна семья у одной речки, другая у другой, третья у третьей и т.д. Потом ездили друг к другу в гости – летом верхом, зимой на санях. Землю обрабатывали вручную абылом – своего рода мотыгой, сеяли ячмень, пшеницу. Из муки пекли калтыр (лепёшки), делали талкан (предварительно обжаренный молотый ячмень). Так и жили, пока в этих местах не был организован Алтайский заповедник.

Алтайский заповедник.

Администрация заповедника сразу же объявила местным жителям, что охотой заниматься нельзя, собак держать нельзя; нельзя держать лошадей, а коров – только одну с приплодом. Индивидуальную обработку земли и выращивание зерновых тоже запретили. Людям ничего не оставалось, как только разъехаться кто куда – в Артыбаш, в Балыкчу. Большая часть наших родственников перебралась на Ижон – небольшой участок на противоположном не заповедном берегу Телецкого озера.

Первая жена папиного отца к тому времени уже умерла, и он с новой женой, моими папой и мамой, которые тоже только что поженились, какое-то время жили на Ижоне. Но потом из районного центра Улаган приехали уполномоченные и потребовали объяснения, на каком основании люди живут в этом месте; сказали, что все должны работать в колхозе. Короче, всех молодых работоспособных людей загрузили, по словам папы, как скотину на баржу и увезли в Балыкчу, пригрозив тюрьмой тем, кто откажется ехать. Не хочешь в колхоз? Значит, враг народа.

В колхозе в Балыкче папа и мама работали до самой войны. Когда началась война, папу с его братом призвали, но не сразу на фронт, а сначала в бригаду, которая перегоняла из Монголии в Бийск лошадей для армии. Не знаю, как эти бригады назывались по-русски, но папа называл их “кантипо”. Бригада-кантипо, в которой был папа, занималась этим в течение целого года. Брали в Монголии табун и гнали его полтора-два месяца до места назначения, после чего людей отпускали на месяц домой. Потом снова в Монголию. Таким образом, за год папа побывал там три раза.

После этого их стали готовить на войну. Стрелять они и так все умели, охотники как-никак; учили колоть штыками ватных кукол и всё такое, а потом отправили воевать. Папа и его брат Апян попали в пулемётчики. Воевали в паре: папа был первым номером, дядя Апян – вторым. В 1943 году папа получил тяжёлое ранение в голову. После госпиталя вернулся в Балыкчу, где его, несмотря на вмятину в голове, всё равно заставили работать – пасти трёх лошадей. Казалось бы, чего проще, но это когда лошади нормальные. Эти же исхудавшие за голодную зиму ходячие скелеты вообще не стояли на ногах. Они постоянно падали, и их нужно было поднимать. Однажды, поднимая одну лошадь, папа недосмотрел за другой, которая, свалившись между камней, стала биться и лишилась одного глаза.

Инвалида войны погнали этапом в районный центр (от Балыкчи до Улагана горами около 100 км) в компании с такими же, как он “врагами народа”. В то время такие группы по 10-15 человек гоняли регулярно раз в декаду или в полмесяца по разнарядке “сверху”. Всех в тюрьму. Папе вменили в вину, будто он плохо следил за лошадьми, и одна лежала так долго, что вороны выклевали ей глаз.

Из всей группы оправдали его одного, и то только потому, что судья оказалась дальней родственницей. Женщина предупредила: «Ещё раз попадёшь сюда, не взыщи». В Улагане кто-то подсказал папе, что есть закон, по которому он как имеющий ранение фронтовик может получать пенсию и не работать в колхозе. К тому же постоянно кровоточила рана на голове. Вернувшись в Балыкчу, папа пошёл в управление и сказал, что не может работать. Ему разрешили уехать, но маму при этом не отпускали. Она и пахарь, и доярка, и скотница; работала сутками, даже высыпаться не успевала. С большим трудом удалось добиться разрешения на отъезд и ей.

Так мои родители снова вернулись на Ижон. К тому времени папин отец перебрался с Ижона в Яйлю. На самом Ижоне работы не было, и папа тоже стал проситься в Яйлю, но места ему там не нашлось, и ему предложили работу объездчика в посёлке Беле. Папа согласился. В Беле тогда сеяли гречиху, горох, ещё что-то, и папу поставили старшим, вроде бригадира, определяющего, когда пахать, когда сеять. Почему-то эта должность называлась “объездчик”. Было это где-то в 1948-49 гг., потому что моя сестра Катя родилась в 1949 году уже там на Беле, а брат Лёша родился ещё в Балыкче в 1946 году. На Беле мои родители жили до 1957 года. Потом нужно стало отдавать детей в школу, и папа стал опять проситься в Яйлю. Как и прежде, места в Яйлю не нашлось, предложили кордон Байгазан. Перебрались на Байгазан. Мама пристроила Лёшу и Катю на квартиру в разные семьи в Яйлю, где была школа. Лёша жил у Павла Унычакова, Катя – не помню у кого. Потом мама прослышала, что за детьми в Яйлю никто толком не

смотрит, что они всё время грязные, завшивели. Бросив хозяйство, она погрузила нас маленьких (меня и сестру Галю) в лодчонку и пригребла в Яйлю. По озеру это где-то около 15 км. В то время тут как раз квартира освободилась в крайнем бараче, где сейчас старший научный сотрудник И.П.Кислицин живёт. Тогда в бараче жило шесть семей (сейчас две квартиры) – по одной в каждой комнате. Одна комнатка освободилась, и мама заселилась туда без спросу. Папа в это

время по заданию заповедника находился в тайге на заготовке ореха. Вернувшись домой на Байгазан, он удивился тому, что никого нет, скотина не ухожена, коровы бегают, свиньи визжат. Узнал, что жена перебралась в Яйлю. Папа тоже переехал. Начальство ругалось поначалу, но папа разводил руками: «Я тут ни причём, это всё жена». С тех пор мы и живём в Яйлю – на родине наших предков.

(Фото из архива Н.А.Князевой)